

ПО ТУ СТОРОНУ
ПРИНЦИПА УДОВОЛЬСТВИЯ

I

В теории психоанализа мы без колебаний соглашаемся с тем, что ход ментальных процессов автоматически регулируется принципом удовольствия, то есть мы считаем, что эти процессы всегда запускаются неприятным напряжением, а дальше принимают такое направление, чтобы конечным результатом стало уменьшение этого напряжения — либо за счет избегания напряжения, либо за счет порождения удовольствия. Такой подход к изучаемым процессам предусматривает применение экономического принципа. Мы имеем в виду представление, которое использует *экономический* момент в дополнение к *топическому* и *динамическому* моментам; тем самым, как нам представляется, мы даем и самое полное из возможных описаний, каковое вполне заслуживает того, чтобы его назвали «метапсихологическим».

Нас не интересует, насколько мы, приняв на вооружение принцип удовольствия, приблизились или, более того, примкнули к какой-либо уважаемой исторически устоявшейся философской системе. Мы пришли к нашим спекулятивным допущениям, пытаясь описать наши наблюдения и согласовать их с имеющимися фактами. Приоритет и оригинальность не являются самодовлеющей целью психо-

аналитической работы; однако примеры, поддерживающие идею о принципе удовольствия, настолько очевидны, что их невозможно оставить без внимания. С другой стороны, мы будем очень признательны, если кто-либо предложит философскую либо психологическую теорию, объясняющую роль удовольствия и неудовольствия, управляющих всеми нашими поступками. К сожалению, такой теории пока нет.

Следует заметить, что здесь мы сталкиваемся с самой темной и недоступной областью нашей психики, но, поскольку мы все же вынуждены контактировать с нею, будет правильным обсуждать ее в рамках наименее строгой гипотезы. Мы приняли решение количественно соотнести удовольствие и неудовольствие с возбуждением, каковое имеет место в психике само по себе, — таким образом, что неудовольствие вызывает усиление, а удовольствие ослабление возбуждения. При этом мы отнюдь не имеем в виду простое соотношение между силой ощущения удовольствия и неудовольствия и соответствующими изменениями количественной меры возбуждения; в еще меньшей степени — на основании всего, что нам известно из психофизиологии — предполагаем мы наличие какой бы то ни было пропорциональной зависимости; фактором, определяющим силу ощущения удовольствия или неудовольствия, является, вероятно, количественная мера усиления или ослабления возбуждения в данный момент времени. Наверное, решение можно было бы найти в эксперименте, но нам, психоаналитикам, нет необходимости заходить так далеко, если нас не принуждает к этому наблюдение.

Нас, однако, не мог не заинтересовать тот факт, что взгляды на удовольствие и неудовольствие та-

кого проницательного исследователя, как *Г. Т. Фехнер* (G. Th. Fechner), по существу, совпадают с выводами, к которым нас привела психоаналитическая работа. Выводы Фехнера можно найти в его небольшой работе «*Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgeschichte der Organismen*», 1873 (часть XI, приложение, стр. 94). Вот эта выдержка:

«Поскольку осознанные побуждения всегда имеют отношение к удовольствию или неудовольствию, постольку удовольствие и неудовольствие можно трактовать как феномены, имеющие психофизическое отношение к условиям устойчивости или неустойчивости. Согласно этой гипотезе, предложенной и обоснованной мною в другом месте, всякое психофизическое движение, которое превосходит порог сознания в определенных ограниченных пределах, сопровождается ощущением удовольствия, если приближает психику к состоянию устойчивости, а превышение порога сознания приводит к ощущению неудовольствия, если это превышение происходит в той мере, каковая приближает психику к состоянию неустойчивости, и это есть качественный водораздел, отделяющий удовольствие от неудовольствия; все, что находится в пределах этого водораздела, не имеет отклика в чувственном плане...»

Факты, которые привели нас к мнению о том, что господствующим фактором в психике является принцип удовольствия, находят свое выражение в гипотезе о том, что психический аппарат пытается поддерживать возбуждение в психике на наиболее низком уровне или, в крайнем случае, на уровне постоянном. Это есть всего лишь иная формули-

ровка принципа удовольствия, ибо если работа психического аппарата заключается в том, чтобы как можно сильнее сдерживать прирост энергии, то все, что вызывает усиление энергии возбуждения, будет восприниматься как процесс, нарушающий названную функцию, а значит, будет восприниматься как неудовольствие. Принцип удовольствия вытекает из принципа постоянства; действительно, последний был выведен из тех же фактов, из которых мы (по необходимости) вывели принцип удовольствия. Более углубленное обсуждение позволит показать, что высказанное нами свойство психического аппарата является не более чем частным случаем фехнеровского принципа стремления к устойчивости, с которым он соотносит ощущение удовольствия и неудовольствия.

Надо, однако, подчеркнуть, что по большому счету это неправильно — говорить о доминировании принципа удовольствия над течением ментальных процессов. Если бы таковое доминирование существовало, то громадное большинство ментальных процессов сопровождалось бы ощущением удовольствия или вело бы к удовольствию, но наш опыт решительно противоречит такому заключению. Можно говорить лишь о том, что в психической жизни имеет место тенденция к осуществлению принципа удовольствия, каковой противодействуют иные силы или условия, вследствие чего конечный результат не всегда согласуется с этой тенденцией. Мы можем сравнить это с высказыванием Фехнера по тому же поводу:

«Дело, однако, в том, что тенденция, направление к некоей цели еще не означает достижения

цели, тем более что и сама цель достижима лишь в некотором приближении...»

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, какие именно обстоятельства и условия мешают осуществлению принципа удовольствия, то ступим на весьма зыбкую почву, так как для того, чтобы дать ответ, мы располагаем только (пусть и богатейшим) психоаналитическим опытом.

Первый пример такого подавления принципа удовольствия очень хорошо нам знаком, ибо встречается он с удивительной регулярностью. Мы знаем, что принцип удовольствия является первичной основой работы психического аппарата, но знаем мы и то, что для самосохранения организма такой принцип малопригоден и даже опасен, учитывая неблагоприятные условия окружающего мира. Под влиянием инстинкта самосохранения принцип удовольствия замещается *принципом реальности*; этот принцип отнюдь не отменяет намерения в конечном счете достичь удовольствия, но откладывает удовлетворение этого намерения и проявляет терпение в отношении временного неудовольствия на долгом пути к удовольствию. Правда, принцип удовольствия упорно доминирует в реализации полового инстинкта, одного из самых «трудновоспитуемых» влечений; опираясь на этот инстинкт или на собственное «Я», принцип удовольствия в этой ситуации преодолевает принцип реальности, что может причинить вред организму как целому.

Нет сомнений в том, что замена принципа удовольствия принципом реальности отвечает за очень небольшую долю состояний, связанных с ощущением неудовольствия, то есть эта замена не являет-

ся главной причиной широкой распространенности чувства неудовольствия. Другим, не менее распространенным и не менее закономерным источником неудовольствия являются конфликты и расщепления внутри психического аппарата, которые имеют место в ходе развития организма от более простой к более сложной организации. Почти вся энергия, находящаяся в распоряжении психического аппарата, происходит из изначально присущих человеку инстинктивных влечений, но отнюдь не всем им суждено достичь одинаковой зрелости. То и дело случается так, что отдельные инстинктивные влечения или элементы влечений оказываются несовместимыми в своих целях и притязаниях с остальными инстинктивными влечениями, каковые, объединяясь, образуют целостное «Я». Несовместимые влечения после этого отщепляются от упомянутого единства в результате подавления (вытеснения) и опускаются на нижележащие уровни психического развития, лишаясь таким образом каких-либо шансов на высвобождение и удовлетворение. Однако если им удастся, как это часто бывает с вытесненным сексуальным влечением, окольными путями добиться прямого или косвенного удовлетворения, каковое в других случаях является источником удовольствия, то в данном случае освобождение и удовлетворение инстинкта может быть воспринято самим «Я» как нечто неприятное и тягостное, то есть противоположное удовольствию. Когда старый вытесненный конфликт достигает удовлетворения, принцип удовольствия вновь стремится заявить о своих правах в тот момент, когда другие инстинкты, пользуясь тем же принципом, тоже стремятся получить максимальное удовольствие от своего удовлетворения. Детали процесса, в результате кото-

рого вытеснение превращает возможность удовольствия в источник неудовольствия, пока непонятны, но можно с полной уверенностью сказать, что все невротические несчастья имеют именно эту природу — удовольствие не может восприниматься как таковое.

Два источника неудовольствия, на которые я сейчас указал, едва ли покрывают большую часть наших неприятных переживаний, но и в том, что касается остальных случаев, мы можем с полным правом утверждать, что и они не противоречат особой роли принципа удовольствия. Большая часть переживаемых нами неудовольствий представляет собой неудовольствие, обусловленное давлением неудовлетворенных инстинктов либо внешним воздействием — болезненным самим по себе или гипотетически болезненным в будущем, что также распознается как «опасность». Реакция на эти инстинктивные требования и угрозу «опасности» может затем быть направлена по верному пути, ведомая принципом удовольствия или принципом реальности, который, собственно, является модифицированным принципом удовольствия. Таким образом, нет никакой необходимости исходить из какой-либо ограниченности принципа удовольствия; но именно исследование психической реакции на внешнюю опасность может дать нам новый материал и поставить перед нами новые интересные вопросы.

II

После тяжелых потрясений, например после железнодорожных катастроф или иных подобных событий, угрожающих жизни, у людей часто развивается

давно описанное состояние, называемое «травматическим неврозом». Недавно окончившаяся ужасная война вызвала множество заболеваний такого рода, благодаря чему наконец прекратились попытки приписывать причину этих неврозов органическому поражению нервной системы в результате механической травмы*. Богатство двигательных симптомов, которое мы наблюдаем в клинической картине травматического невроза, напоминает истерию, однако травматический невроз отличается от нее ощущением субъективного страдания, что ближе к ипохондрии и меланхолии, а также проявляется общей слабостью и нарушением ментальных способностей. До сих пор у нас нет отчетливого понимания природы как военных неврозов, так и травматических неврозов мирного времени. В случае военного невроза одни и те же симптомы могут появляться как в связи с тяжелыми физическими травмами, так и без таковых, что, с одной стороны, вызывает удивление, но, с другой, может принести пользу в понимании сути и природы военных неврозов. В случае обычного травматического невроза на первый план выступают два характерных признака. Первое — причиной возникновения невроза, как правило, служат такие факторы, как неожиданность и испуг; второе — если одновременно с испугом человек получает физическую травму, невроз развивается реже. Испуг, страх и тревожность часто (и неправильно) используются как синонимы, хотя они отчетливо различаются своим отношением к опасности. Тревожность — термин, которым обозначают ожидание опасности

---

* См. Zur Psychoanalyse der Kriegsneurosen. Mit Beiträgen von Ferenczi, Simmel und F Jones. Band I der Internationalen Psychoanalytischen Bibliothek, 1919.

и психологическую подготовку к ней в тех случаях, когда природа этой опасности неизвестна. Страх относится к предмету или явлению, которых стоит бояться. Словом «испуг», однако, обозначают состояние человека, когда он, будучи неподготовленным, неожиданно сталкивается с опасностью. Я не считаю, что испуг может вызвать травматический невроз. В тревожности есть нечто, предохраняющее нас от испуга, а следовательно, и от вызываемого им невроза. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Нам следует рассматривать изучение сновидений как самый ценный метод исследования глубинных психических процессов. Сновидения человека с травматическим неврозом постоянно возвращают больного в травмирующую ситуацию, и он просыпается в состоянии того же испуга. Это несколько не удивляет больных. Они думают, что если переживание ситуации преследует их даже во сне, то, значит, она и в самом деле была очень серьезной. Можно сказать, что больной психологически фиксируется на своей травме. Фиксация на переживании, вызвавшем заболевание, давно известна нам на примере истерии. В 1893 году *Брейер* (Breuer) и *Фрейд* утверждали: истерики по большей части страдают от своих воспоминаний. *Ференци* (Ferenczi) и *Зиммель* (Simmel) отмечают, что и при военных неврозах некоторые симптомы объясняются фиксацией на моменте получения травмы.

Мне, однако, неизвестно, чтобы люди, страдающие травматическими неврозами, уделяли много внимания своему заболеванию в бодрствующем состоянии или вспоминали о травмирующей ситуации. Вероятно, они прикладывают значительные усилия к тому, чтобы не думать о ней. Всякий,

кто считает само собой разумеющимся то, что сновидения непременно должны возвращать человека в травмирующую ситуацию, не вполне понимает природу сновидения. Природа сновидений такова, что они должны были бы возвращать пациента во времена, когда он был здоров, или показывать ему сцены скорого выздоровления. Если мы не падем жертвой заблуждения, согласно которому сновидения невротиков являются принятием желаемого за действительное, нам останется трактовать этот феномен единственным способом: мы должны будем признать, что функция сна у невротика поражена так же, как и многое другое в его психике, и сон перестает нормально выполнять свою функцию. В противном случае нам придется постулировать некие мазохистские тенденции «Я».

Теперь я предлагаю оставить темную и мрачную тему травматического невроза и перейти к исследованию механизмов, используемых психическим аппаратом в период его самой ранней, нормальной деятельности, — к исследованию механизма детской игры.

Различные теории детской игры с точки зрения психоанализа недавно были исследованы *С. Пфайфером* (S. Pfeifer), и я здесь буду ссылаться на его работу. В этих теориях делается попытка раскрыть мотивы, побуждающие детей к игре, однако в них не уделено должного внимания экономическому мотиву, то есть мотиву получения удовольствия. Я не стану писать об этом чересчур подробно, но однажды мне представился случай понаблюдать, как полторагодовалый мальчик играл в игру, которую он придумал сам. Это не было мимолетным наблюдением, ибо я в течение нескольких недель жил под одной крышей с этим мальчиком и его роди-

телями, и прошло довольно много времени, прежде чем до меня дошел смысл того, что делал ребенок.

Ребенок был нормально развит для своих полутора лет, не обгоняя в развитии сверстников. В речи он использовал не вполне членораздельные слова, а кроме того, произносил и другие звуки, которые были понятны окружающим его людям. У мальчика были прекрасные отношения с родителями и их единственной горничной. Он не докучал родителям по ночам, был послушен и не трогал предметы, которые ему было запрещено трогать, не ходил туда, куда ему не разрешали ходить, и не плакал, когда мать покидала его на несколько часов, хотя был нежно к ней привязан. Мать сама заботилась о нем, не прибегая к помощи посторонних людей. У этого хорошего мальчика было, правда, одно странное обыкновение — всякий мелкий предмет, оказывавшийся у него в руках, он зашвыривал под кровать или в иные потайные места, и искать их потом было нелегкой задачей. Забрасывая предметы под кровать, мальчик с видом полного удовлетворения произносил протяжный звук «о-о-о-о»; по мнению матери и автора этих строк, это было не междометие, а слово, обозначающее «прочь». В конце концов я заметил, что это была игра и что все свои игрушки ребенок использовал только для того, чтобы отправлять их «прочь». Както раз я сделал еще одно интересное наблюдение, которое подтвердило мое предположение. У мальчика была игрушка — деревянная катушка с привязанным к ней шнурком. Ребенок никогда не возил катушку за собой, не воображал катушку тележкой. Забавлялся он по-другому. Зажав в ручке шнурок, он искусно забрасывал катушку в колыбельку (так, что она исчезала из вида). При этом мальчик многозначительно